

Штурм Сапун-горы

Жесткое сукно галифе. Жесткие сапоги. Стягивающий, будто переламывающий надвое, ремень. Впервые надев советскую форму Великой Отечественной, я вдруг неожиданно для себя поняла (или мне это только почудилось), что чувствовал мой дед, уходя на фронт; поняла так явственно, будто находился он где-то поблизости. Это заставило подтянуться, собраться внутренне... Озираясь кругом, я словно ждала, что сейчас вдруг отделится фигура от той группы солдат с лихо заломленными пилотками... Подойдет дед, посмотрит долго и пристально в самую душу и скажет: «Ну, здравствуй, внучка! Приехала поиграть в войну?»

Майский Севастополь, осветившийся, точно полиелейным паникадиллом, белыми свечами каштанов, приосанился, готовясь встретить семидесятилетие своего освобождения. Исчезла с улиц назойливая реклама, ее место заняли черно-белые портреты ныне живущих фронтовиков и детей осажденного Севастополя – последних из поколения, знающего цену жизни и хлебным крошкам.

Май 2014-го, вероятно, был похож на май 1944-го.

Если смотреть в безмятежное небо, можно перенестись на семь десятилетий назад, представив, что едешь по освобожденному Севастополю, – надо лишь не опускать глаз, иначе иллюзия развеется: тогда город лежал в руинах.

Небольшая колонна машин, сохранившихся с военной поры, двигалась к Сапун-горе. В открытом автомобиле 1946-го года я сижу между такими же «бойцами-реконструкторами». Рядом с водителем едет ветеран в парадном белом кителе – медали мелодично позванивают на неровностях и ухабах дороги. 70 лет назад ему было девятнадцать: мальчишкой-добровольцем ушел он на фронт с единственным, заглушающим все остальные желанием: отомстить!

Нас сопровождает прерывистый, неумолкающий собачий лай. Здоровенная серо-бурая псина, преследуя мотоциклистов, того и гляди вцепится кому-нибудь в ногу, повыше начищенного сапога. Показались окраины, а пес все не отстает, только залиvistый лай становится глуше. Собака делает порывистые прыжки, уже с усилием выбрасывая вперед передние лапы, длинный язык ее безвольно болтается – из последних сил старается она не отстать.

Настойчивость животного восхищает!

«Будто душа солдата в образе собаки!» – замечает «младший сержант».

Мы приветствуем прохожих. Они приостанавливаются, улыбаются, машут руками в ответ. В столице Черноморского флота в почете как хозяева, моряки, так и их сухопутные собратья, нынешних и минувших эпох.

Вдруг кто-то произносит:

– А в Славянске сейчас убивают людей...

Улыбки исчезают, слышится стук собственного сердца – семьсот километров отделяют нас от города-символа, который полосуют сейчас «Грады» – связь между прошлым и настоящим становится осязаемой.

Чем ближе к Сапун-горе, тем больше людей, уже не вклинить автомобилистам – не осталось места на обочине.

Традиция приезжать сюда зародилась в первый послевоенный год.

9 Мая севастопольцы на усыпанном маками склоне вспоминали войну: удивляясь, что выжили, поминали погибших. Между алых цветов, точно капли крови, щедро оросившей траву, пестрели куличи и разноцветные пасхальные яички этой то ли праздничной трапезы, то ли поминальной тризны.

Сейчас не посидишь уже, любуясь пейзажем в долине, – выросли деревья, возвели памятный мемориал, чтобы не посмели о войне забыть потомки. В диораме – звук стрельбы, рассказ о штурме и

Если это игра...

слезы — сострадания, гордости, за обессмертивших себя — русских, советских — простых людей, ценою собственной жизни заслуживших жизнь вечную.

Вспомнить их подвиг вот уже в который раз собрались мы у Вечного огня.

Выносят знамена полков, штурмовавших Сапун-гору: семидесятилетние знамена в руках двадцатилетних знаменосцев. Издали смотрит на них седой человек в инвалидной коляске. Грудь его, словно броня кольчуги, покрывают ордена и медали. Не ходят уже ноженьки, покидают силы, но дух еще силен, а слезы, застывшие в глазах... так это от радости за еще один День Победы, да от скорби, что не видят этого погибшие и умершие друзья. Фронтовика на руках поднимают на возвышение около Вечного огня.

Особый это был День Победы — двойной... тройной... праздник, проходящий под неумолкающее, разливающееся повсюду людское эхо: «Россия!», «Россия!», «Россия!».

«Это радость со слезами на глазах», — строчки бессмертной песни приоткрыли вневременной, пророческий смысл. В канун 70-летия освобождения Крыма, Одессы, Николаева, Мариуполя современные фашисты жгли, насиловали, убивали в охваченном пожаром здании скованной страхом Одессы, испепеляли снарядами мирные кварталы Славянска, расстреливали людей на параде Победы в Мариуполе.

Сходная участь ждала бы и Крым, не прояви Россия решимости! С высоты Сапун-горы, от святых братских могил Севастопольского плацдарма хорошо было видно это — далеко простирался взгляд.

Скорбь, притупляющая радость, сквозила в словах командующего Черноморским флотом и единственного живущего в городе участника штурма Сапун-горы.

Неожиданно посреди торжественных речей, на плацу, окруженном со всех сторон народом, показалась собака — безмятежно шествуя, она не обращала внимания на адмиралов и генералов. «Та самая, наша!» — подумалось мне, но, приглядевшись и не обнаружив хвоста, я поняла, что ошиблась: не добежала ты, «душа солдата»...

Пытаясь успеть к началу штурма, я пробираюсь сквозь плотную толпу:

— Пропустите, пропустите! — попеременно то прошу, то требую я.

Спины смыкаются плотнее, но, обернувшись и увидев форму и камеру, люди нехотя расступаются. Пролезая под колючей проволокой, бегу и, падая между бойцами, облегченно вздыхаю: успела!

Солдаты лежат, готовясь к штурму. Изредка перебрасываются шутками, затягиваются папироской. Наверное, так бывает и перед настоящей битвой, и перед той самой, повторения которой ждут сейчас несколько тысяч зрителей.

Внизу расстилается долина, с теряющимися вдали рядами виноградников, в утренней дымке, за горами Балаклавы угадывается море. Все так же, как 70 лет назад, не слышно только оглушительной канонады полуторачасовой артподготовки.

Раздается сигнал начала штурма.

Сейчас нет ни развороченной земли, ни осколков с бритвенно-острыми краями, ни тысяч погибших... Ружейно-автоматная пальба, выстрелы пушек и пулеметов. Сейчас мы бежим, а в сорок четвертом ползти, распластавшись по скалам, вгрызаясь в землю, срывая ногти, раздирая до крови колени... ползти, поливаемые беспрестанным огнем, отвоевывая каждый метр, оставляя за собой склон, усеянный телами.

Закусив ленточки бескозырки, рвется вперед знаменосец с красным флагом — морские пехотинцы наводили ужас на фашистов своими легендарными атаками. Матрос падает, знамя подхватывает товарищ, и оно вновь поднимает за собой, вселяя надежду на скорую победу.

Санитарки, молоденькие девчонки с косичками, перевязав сержанта, поят водой из фляги и, устроив поудобнее, ползут к следующему раненому.

Мои ноги скользят по склону, совершенно гладкая подошва армейских сапог (еще и на несколько размеров больше) заставляет постоянно падать, вызывая бессильную ярость. Скатившись в окоп, я с трудом выбираюсь, уцепившись за чахлые кусты.

Лицо горит, неистово колотится сердце, перехватывает дыхание. Грохочут взрывы, стелется дым, пикирует самолет... Кажется, что не холостые, а боевые вокруг рвутся снаряды. Но, если это игра, почему так кровь ударяет в голову, заставляя почувствовать неосвязаемую черту, отделяющую жизнь от смерти?!

Последние укрепления взяты! Красный флаг взвивается над немецкими траншеями.

Ноги не держат. Садясь на землю, я пытаюсь разобрататься в мыслях, обуздать чувства и вдруг понимаю, что смогу взять в руки оружие, приди к нам война Отечественная, повторись года 1612-й, 1812-й, 1941-й. Понимаю! Слышишь меня, мой дед?!

Мертвым встать!

— Ура-а-а! За Родину! — кричали солдаты, идя в атаку под Севастополем в мае 1944-го.

— За Родину! За Сталина! — кричал мой дед полгода спустя под Ригой. И победный клич этот, возможно, спас ему жизнь.

Ты вел в бой свое подразделение, когда пуля, пробив щеку и выбив несколько зубов, пролетела насквозь. Другая — ранила в грудь.

Крик оборвался... подоспевший ординарец, оттащил тебя в безопасное место и оставил около сарая. После боя санитары собрали раненых, но тебя, находящегося в забытии, не заметили. Ты пролежал на сырой земле трое суток, прежде чем подобрал тебя солдаты другого полка. Ты был крепок и, выдержав, продолжил служить и после окончания войны, после перевода тебя в Краснодар. Но не прошли бесследно те три промозглые ночи. Обездвижило тебя, парализовало на долгих 17 лет, и жена твоя — моя бабушка — обивая пороги военкомов и комиссий, доказывала, что неподвижность эта — результат боевого ранения, а ты — инвалид Великой Отечественной. Измученная хозяйственными хлопотами и заботами о троих детях, она стирала засаленную одежду поваров военной части за помой для свиней, мыла полы в офицерском общежитии, разводила шелкопряда, сажала бахчу, продавала первые пучки зелени... Рано составившаяся, надорвавшаяся неженской работой да че-

редой нескончаемых бед, она почти не рассказывала мне о том времени...

«Штурм закончен! Мертвым встать!» — прозвучало на Сапун-горе. И представилось мне, как поднимаются миллионы наших отцов и дедов, разверзая землю России, Европы, Балкан. Оправляются, одергивают рубахи и гимнастерки и, удивленно оглядываясь, встают в многомиллионные колонны...

Что сказали бы вы, увидев, как вновь поднимает голову фашизм, как убивают невиновных, как дети и внуки тех, с кем воевали вы в одном строю, уничтожают друг друга.

«Мертвым встать!» — прозвучало на Сапун-горе. Поднялись «русские» и «немцы», обнялись и вместе сели на траву, в то время как молодые и сильные морские пехотинцы демонстрировали свое умение драться.

Говорят, двадцатилетние отличаются особой дерзостью, «свежая кровь» необходима в отчаянных штурмах и молниеносных десантах — и не важно, какой на дворе год: четырнадцатый, сорок первый, двухтысячный... молодым во все времена очень хочется выжить.

Мой дед, я не знала тебя. Ты умер задолго до моего рождения, и мама рассказывала, не любил вспоминать о войне: много там было того, о чем не пишут в книгах. Твоя история, твоя жизнь — одна из миллионов историй и жизней, память о которых хранится в миллионах наших семей.

Сейчас я могу лишь подержать в руках твои награды, да постоять у твоей могилы... а еще... надев форму твоей поры, рухнуть навзничь на склоне Сапун-горы... нет! не от пули — от перенаполненности жизнью, и, глядя в ясное незадымленное небо Крыма, попытаться понять, какую цену заплатили вы за нашу, порой бездумную, жизнь... ■